ЛЕНИНГРАД

№ 9
1944

К сороковой годовщине со дня смерти Антона Павловича Чехова

В. МАНУЙЛОВ

В дни, когда гитлеровские полчища рвались к сердцу нашей родины, в один из самых напряженных моментов Отечественной войны, 6 ноября 1941 года, товарищ Сталин перед всем миром разоблачил хищническую и разбойничью сущность так называемых «национал-социалистов»: «И эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!».

Имя Антона Павловича Чехова товарищ Сталин назвал среди самых дорогих имен, которые чтит и которыми гордится русский народ. Рассказы, повести и драмы, написанные этим необыкновенно скромным и требовательным к себе человеком, известны всему миру. Чехов поведал человечеству, с простотой и правдивостью, на которую способны только очень большие художники, о русской жизни за целую четверть века, предшествовавшую первой русской революции 1905 года. Чехов обладал теми качествами, которые Горький считал наиболее типичными для русской литературы.

По определению Горького, Чехов — писатель, «освещенный ярким светом беззаветной и страстной любви к великому делу жизни, литературе, к усталому в труде народу, грустной своей земле... честный боец, великомученик правды ради... всю жизнь свою, все силы сердца тратящий на жаркую проповедь общечеловеческой правды».

Во всем этом — черты национального русского характера. Эти же черты национального характера свойственны и многим героям Чехова, таким, например, как герои его рассказов «На пути» (1886), «Припадок» (1888), «Скучная история», «По делам службы» (1899), как многие персонажи его драм; это люди, верящие в правду, ищущие смысла жизни.

Многое в жизни и литературном наследии Чехова еще недостаточно изучено и не совсем правильно понято. Далеко еще не оценено величайшее значение Чехова для всей европейской новейшей литературы, а тем не менее творческий метод Чехова в полном и точном смысле этого слова — целая эпоха в истории мировой литературы.

Дореволюционная русская критика часто видела в Чехове пессимиста, поэта «сумерек» и «хмурых людей». Действительно, большая часть произведений Чехова навеяна русской жизнью 80 г.г. XIX века, когда политическая реакция, унылое безвременье, казалось, надолго разобщили и загнали в подполье передовые силы молодой России. Но уже в 90-ые годы наметился новый подъем общественно-политического движения, появились первые работы В. И. Ленина, зазвучали бодрые призывы буревестника грядущей революции Максима Горького. Чехов был чутким свидетелем и участником этой предгрозовой страды русской жизни. И Чехов показал в своем творчестве не только сытых обывателей-мещан, не только задавленных нуждой и отчаянием «мелких людей», но и противопоставил им честных, интересных, умных, неутомимых «друзей России».

«Одним из лучших друзей России», по меткому слову Горького, был и сам А. П. Чехов. Он ненавидел самодовольную пошлость, он тосковал в душных и тусклых буднях окружавшей его русской жизни, но Чехов любил свою родину, ее народ и природу, и Чехов горячо верил в светлое будущее России.

«Когда я пишу, — говорит Чехов в одном из своих писем 1897 года, — то мне не кажется, что я пишу мрачно; во всяком случае, работая, я всегда бываю в хорошем настроении... Я человек жизнерадостный».

К. С. Станиславский утверждал: «Антон Павлович был самым большим оптимистом, какого мне только приходилось видеть».

Эту же мысль подчеркивает в своих воспоминаниях о Чехове А. И. Куприн: «Он с одинаковой любовью ухаживал за цветами, точно видя в них символ будущей красоты, и следил за новыми путями, пролагаемыми человеческим умом и знанием. Он с удовольствием глядел на новые здания оригинальной постройки и на большие морские пароходы, живо интересовался всяким последним изобретением в области техники и не скучал в обществе специалистов... Он верил в то, что грядущая, истинная культура облагородит человечество»...

И дальше: «Он из первых рук, из первоисточников, знакомился со всем, что делалось в данную минуту в России. О, как ошибались те, которые в печати и в своем воображении называли его человеком равнодушным к общественным интересам, к мятущейся жизни интеллигенции, к жгучим вопросам современности. Он за всем следил пристально и вдумчиво; он волновался, мучился и болел всем тем, чем болели лучшие русские люди».

И, наконец: «Странно — до чего не понимали Чехова. Он — этот «неисправимый пессимист», как его определяли, — никогда не уставал надеяться на светлое будущее, никогда не переставал верить в незримую, но упорную и плодотворную работу лучших сил нашей родины. Кто из знавших его близко не помнит этой обычной, излюбленной его фразы, которую он так часто, иногда даже совсем не в такт разговору, произносил вдруг своим уверенным тоном:

— Послушайте, а знаете что? Ведь в России через десять лет будет конституция...

Да, даже и здесь звучал у него тот же мотив о радостном будущем, ждущем человечество, который отозвался во всех его произведениях последних лет».

Но «чтобы хорошо жить, по-человечески — надо же работать! Работать с любовью, с верой», — не раз говорил Чехов.

В дореволюционной России не часто случалось Чехову встречать людей, для которых труд был бы радостью, которые в труде находили бы смысл и счастье жизни. И Чехов постоянно возвращался к раздумьям о необходимости воспитывать в людях уважение к труду.

«Архитектор, выстроив два-три приличных дома, садится играть в карты, играет всю жизнь, или же торчит за кулисами театра, — говорил с досадой Чехов Горькому. — Доктор, если он имеет практику, перестает следить за наукой, ничего, кроме «Новостей терапии», не читает и в сорок лет серьезно убежден, что все болезни — простудного происхождения. Сделав себе имя удачной защитой, адвокат уже перестает заботиться о защите правды, а защищает только право собственности, играет на скачках, ест устрицы и изображает собой тонкого знатока всех искусств. Актер, сыгравши сносно две-три роли, уже не учит больше ролей, а надевает цилиндр и думает, что он гений».

Сам Чехов работал с упоением и в ненасытном труде забывал о многих горестях окружающей его жизни.

Горький рассказывает: «Я не видел человека, который чувствовал бы значение труда, как основание культуры, так глубоко и всесторонне, как Антон Павлович. Это выражалось у него во всех мелочах домашнего обихода, в подборе вещей и в той благородной любви к вещам, которая, совершенно исключая стремление накоплять их, не устает любоваться ими, как продуктом творчества духа человеческого. Он любил строить, разводить сады, украшать землю, он чувствовал поэзию труда. С какой трогательной заботой наблюдал он, как в саду его растут посаженные им плодовые деревья и декоративные кустарники! В хлопотах о постройке дома в Аутке он говорил:

— Если каждый человек на куске земли своей сделал бы все, что он может, как прекрасна была бы земля наша».

Многие видели, как Чехов иногда по утру, в саду около своей ялтинской дачи, заботливо обмазывал серой стволы роз или выдергивал сорные травы из клумб. Какое бывало торжество, когда среди летней засухи, наконец, шел дождь, наполнявший запасные глиняные цистерны!

«Но не чувство собственника, — говорит А. И. Куприн, — сказывалось в этой хлопотливой любви, а другое, более мощное и мудрое сознание. Как часто говорил он, глядя на свой сад прищуренными глазами:

— Послушайте, при мне здесь посажено каждое дерево, и, конечно, мне это дорого. Но и не это важно. Ведь здесь до меня был пустырь и нелепые овраги, все в камнях и в чертополохе. А я вот пришел и сделал из этой дичи культурное, красивое место. Знаете ли, — прибавлял он вдруг с серьезным лицом, тоном глубокой веры, — знаете ли, через триста, четыреста лет вся земля обратится в цветущий сад. И жизнь будет тогда необыкновенно легка и удобна.

Эта мысль о красоте грядущей жизни, так ласково, так печально и прекрасно отозвавшаяся во всех его последних произведениях, была и в жизни одной из самых его задушевных, наиболее лелеемых мыслей. Как часто, должно быть, думал он о будущем счастии человечества, когда, по утрам, один, молчаливо подрезывал свои розы или внимательно осматривал раненный ветром

молодой побег. И сколько было в этой мысли кроткого, мудрого и покорного самозабвения!»

Почти все любимые герои Чехова призывают к вдохновенному, облагораживающему труду. Творческий труд освящает умную жизнь Осипа Дымова («Попрыгунья») и старого профессора Николая Степановича («Скучная история»).

О творческой работе сознательного вмешательства в окружающую жизнь хорошо говорит доктор Астров в драме Чехова «Дядя Ваня»: «Быть может, это в самом деле чудачество, но, когда я прохожу мимо крестьянских лесов, которые я спас от порубки, или когда я слышу, как шумит мой молодой лес, посаженный моими руками, я сознаю, что климат немножко и в моей власти, и что, если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и я. Когда я сажаю березку и потом вижу, как она зеленеет и качается от ветра, душа моя наполняется гордостью».

Сестры Прозоровы в пьесе Чехова «Три сестры» много думают о культурной ценности труда. О труде, как могучем воспитательном средстве, говорит Ирина: «Работать нужно, работать. Оттого нам невесело, и смотрим мы на жизнь так мрачно, что не знаем труда... Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторги...» — «У меня страстная жажда жизни, борьбы, труда», подхватывает ее мысли Тузенбах.

В последней пьесе Чехова «Вишневый сад» молодое поколение, которому явно симпатизирует автор, видит смысл жизни в очеловечивающем труде.

Поэзия обреченного на гибель «вишневого сада» дворянской России была понятна Чехову, но все помыслы и мечты Чехова были устремлены к будущему, к тому времени, когда земля наша будет возделана человечеством, как прекрасный и радостный сад. И Чехов был убежден, что только дружная и честная работа превратит нашу жизнь в такой цветущий сад.

Прошло сорок лет со дня смерти Антона Павловича Чехова. Эту дату — 15 июля 1944 года — народы Советского Союза отмечают в условиях Отечественной войны, в победоносной борьбе за честь и независимость своей родины, за великие и радостные права, возвещенные в Сталинской Конституции. Как близок и дорог нашему советскому читателю этот строгий мастер русского языка, этот глубокий, такой человечный и такой русский писатель — Чехов! Какие богатства русской души, какие откровения русской природы и речи находим мы в его литературном наследии!

Все меньше остается на свете людей, которые видели Чехова, знали писателя при жизни, слышали его смех, его мягкий, низкий голос, которые помнят теплое пожатие его большой, сильной руки. Но с каждым годом все больше людей, которые горячо любят Чехова, которые знают его как хорошего, умного друга. Для каждого русского человека и для передовых людей всего мира имя Чехова стоит в одном ряду с Пушкиным, Гоголем, Тургеневым, Львом Толстым и Горьким. Россия дала миру среди целого ряда великих имен Чехова. И всемирная слава Чехова умножает великую славу нашей родины.

Антон Павлович Чехов